Писать некролог о тебе я не стану. Ну, во-первых, слово «некролог» мне определенно не нравится — оно отдает чем-то газетным и официально-медицинским одновременно. Во-вторых, что могу написать о тебе я? Не говорившая ни разу с тобой, не видевшая даже твоей фотографии? Хотя удивительным образом плакавшая вместе с тобой и проживавшая с тобой тот кусочек жизни, что знала тебя. Знакомство у нас одностороннее — я тебя знаю, ты даже не подозреваешь о моем существовании. Кстати, ничего, что я так сразу на «ты»?

Мы с тобой не встречались и не виделись. Хотя последнее под вопросом. Может быть, ты видела меня, когда я спала? Или когда утром чистила зубы? Или в спешке собиралась на работу? Нет, я не в бреду. Но думаю, ты должна была меня видеть. Считается, что душа человека первые три дня после смерти посещает места, где она творила добро при жизни. В таком случае, ты обязательно должна была меня видеть. Еще тогда, летом, твоя душа должна была посетить дом, где я жила, ведь сама того не зная, ты внесла много ценного и важного в мою жизнь. Очень надеюсь, я тебя не разочаровала во время твоего визита.

Бог творит чудеса руками людей — эта простая истина каждый день нами забывается. Твоими руками, через тебя, я ощутила присутствие чуда в своей жизни и снова поверила в то, что чудеса возможны не только в детстве, и не только те, что ждешь. Обычно под словом «чудо» мы ждем фейерверка и сказки, на самом деле чудо — рядом, чудо нужно уметь разглядеть «здесь-и-сейчас», а не «тогда-когда» пройдет много лет.

Но начну по порядку.

Мы часто говорили о тебе. Мне было небезразлично твое здоровье, твоя отчаянная борьба за жизнь с единственной целью — жить! Странно, но именно заглядывая в глаза смерти, человек начинает ценить жизнь, не только свою, а жизнь как таковую. Эта общеизвестная истина как-то по-новому отозвалась в сердце через тебя. Волонтерство в Киевском институте рака внушило мне трепет перед онкобольными. Зная не понаслышке значения туманно-призрачных слов «тромбоциты», «донорская кровь», «химиотерапия», «р-масса» и многих других — проникаешься сочувствием к человеку, которого посетила эта болезнь. Поэтому каждый раз, разговаривая по телефону с Семеном Борисовичем, я не могла не спросить о твоем здоровье и о том, как продвигается твое лечение.

Я узнала тебя ближе, когда ты беседовала с Тиллихом на страницах журнала. Твоя простая, человеческая, без пафоса и прикрас жизненная история и стала тем самым чудом, за которое говорю тебе «спасибо». Тогда, в начале лета, я готовилась проводить группу на тему «полюбить страдания». На столах лежали книги классиков, биографии, судьбы, ксерокопии, философские труды, монитор с афоризмами о страданиях — чего только не было там... и странное предчувствие. Не спросив твоего разрешения (уж прости меня за дерзость), я решила взять за основу проведения группы твою историю, предпочтя ее классикам и современникам.

Помню, как звенела тишина, когда дрожащими от волнения руками я перелистывала страницы. Группа сидела, потупив глаза, я боялась остановиться. Иногда судорожно сглатывала подступающие слезы. Сначала пугающая тишина, слышен только мой голос. К концу твоего разговора, уже не с Тиллихом, а с нами, не стесняясь и не объясняя себе причин, все вытирают слезы. За живое зацепили твои простые слова о такой непростой, полной сомнений и терзаний, жизни. Помню, как твои «борщи в перерывах между химиями» стали для многих в тот день спасательным кругом. Не зная, сколько и как тебе еще осталось жить, ты смогла показать нам, насколько ценно ЖИТЬ, а не ждать эту

жизнь.

Отчего такие простые истины, тысячи раз читанные у философов и классиков, только с тобой стали реальными и вошли в сердце?

Именно в контексте твоей жизненной истории тогда в группе прозвучали удивительные слова о том, что нет больше места страху. Человек, которому нечего терять, впервые имеет возможность ВСТРЕТИТЬСЯ с самим собой. На фоне этого откровения воздух стал прозрачнее от покинувших комнату «фобий» и надуманных проблем.

Помню, как после этой группы посветлели лица участников. Одна женщина, тоже, кстати, Светлана, сказала, что «незнакомая никому Света стала лучом Света в их жизни с кучей надуманных «страданий». В тот день многое стало ясным и понятным о том, что такое страдание. Стало больно от осознания потраченного на пустые муки времени, и от — только лишь — ропота, возникающего в душе при встрече с настоящими страданиями. Этимология слова «страдание» привела нас к слову «труд» — и снова же стало понятно, сколько среди нас слоняющихся бездельников, желающих только получать и жить на иждивении. И как мало работников — готовых трудиться над своей жизнью, очищая себя в страданиях. Твоя жизнь, твои суетные муки одного периода и страдания твоей мятущейся души другого периода — очень помогли разобраться в этом. После такого откровенного твоего разговора с нами ты многим стала очень близка. И в вечерних и утренних молитвах многие стали молиться о «незнакомой» рабе Божьей Фотинии.

Известие о твоей смерти я получила, когда по телевизору шли титры. Окончился моноспектакль Алисы Фрейндлих «Оскар и Розовая Дама». После этого спектакля, на умытой слезами душе была боль и радость очищения. Твоя смерть не стала ударом. Наоборот, напоминая о существовании «незаметных» чудес, я впервые отчетливо поняла, что такое Промысел. «Значит так лучше для ТЕБЯ», — я была и остаюсь в этом уверенна. И это едва ощутимое прикосновение чуда — твои «борщи в перерывах между химиями» и группы, которые ты проводила, полулежа на диване — только что отзвучали голосом Алисы Фрейндлих и маленького Оскара.

Для близких и родных твоя смерть — удар, потеря, боль, которая никогда не пройдет и не забудется. Им есть что вспомнить и рассказать о тебе светлого — я уверена в этом. Их скорбь о тебе живая и неутихающая. Мне очень жаль, что мы так и не познакомились. Мне жаль, что не могу плакать о тебе, перебирая в памяти воспоминания, разговоры, улыбки и слезы. Мне жаль, что нет фотографий, общих событий, дат, юбилеев. Но так сложилось, что я ВСТРЕТИЛАСЬ с тобой, в то время как мы никогда не встречались.

Поэтому я не оплакиваю тебя как дочь, сестра, подруга, коллега. Наше незнакомство оставило мало места для боли и бесконечно много места для благодарности. Я еще не раз обращусь к тебе за помощью — ты выручаешь меня. Спасибо тебе за твою искренность, за твои поиски, сомнения, взлеты и падения, спасибо, что ПРОЖИЛА жизнь. Жизнь, которая несмотря ни на что может учить, помогать и исцелять.